

В.И.БОВШ

РЫНОК И СОЦИАЛЬНАЯ ПЕРСПЕКТИВА ОБЩЕСТВА

С конца 1980-х и начала 1990-х годов развитие Республики Беларусь, России, соседних государств Восточной и Центральной Европы, республик среднеазиатского региона проходит путем их реформирования — придания им новых черт и свойств, по утверждениям реформаторов, больше отвечающих "реальностям мира на рубеже XX и XXI веков". В основе реформ: создание "свободного" либо "регулируемого рынка", формирование "рыночных отношений" в экономике. Этому должны сопутствовать становление гражданского общества, правового государства, демократии, национально-культурное возрождение. Главная и производные от нее цели реформ казалось бы логически взаимосвязаны и достаточно весомы, чтобы судить о будущем реформируемых обществ с определенной мерой достоверности.

Однако общая перспектива развития стран предстает во многом размытой. И не только из-за постоянных пробуксовок реформ, их импровизации на ходу и частого изменения стратегии реформирования общества. Дело в том, что с самого начала остается безответным фундаментальный **вопрос общественного развития: к какому типу общества должны привести реформы?** Следовательно, невозможно соотнести ни главные цели, ни ожидаемые последствия самих реформ с характером и целями создаваемой общественной организации, к которой стремятся реформаторы. В такой обстановке всё невольно сводится к "рынку" и основным условиям его функционирования. Но достаточно взглянуть на современные общества, чтобы убедиться в том, что их жизнь далека от "рыночной" унификации. Рынок и приоритеты социального прогресса

Элементы рынка и рыночных отношений в различных пропорциях и сочетаниях с нерыночными, то есть социальными, политическими, культурными, историческими, нравственными, религиозными компонентами свойственны, как известно, практически всем современным обществам — от американского, германского, испанского, японского, китайского до корейского, турецкого, филиппинского и папуасского. Тем не менее, отдавая дань рынку, общества существенно различаются между собой, и не столько уровнем развития рыночной экономики, степенью политической демократии, приверженностью к правовому государству и гражданскому обществу, сколько другими характеристиками. Причем последние весьма существенны и накладывают видимый отпечаток на функционирование рынка, а также на сопутствующие ему нерыночные структуры, несмотря на их внешнюю наднациональность и космополитичность.

В пестрой мировой общественной мозаике некоторые виды различий приобретают особое значение. Это, прежде всего, отличия социально-системного порядка. Правда, в последние годы использование их в качестве критерия для определения типа общества, как это было во времена безраздельного господства дихотомии "капитализм-социализм", оспаривается. Делаются ссылки на "переходный этап" в развитии "глобального общества": движение капиталистического Запада к какому-то новому, непредвиденному ранее, состоянию, а бывшего социалистического Востока — к "рынку". Отсюда будущее западных обществ уже не связывается с капитализмом, а восточных — с социализмом. Отсутствие однозначного понимания социального смысла и направленности изменений в данных условиях все же не перечеркивает ни факта объективного существования социально-системных различий, ни их основополагающего значения для развития общества, как в настоящее время, так и в будущем.

Четко вырисовывается группа отличий цивилизационного порядка. Принято

считать, что в данных конкретно-исторических условиях все народы относятся к современной, то есть к мировой цивилизации. Однако сохранение каждым из них национальной идентичности, а также черт региональной схожести в образе жизни, культуре, духовном бытии дают основания и для вывода о существовании локальных и региональных образований. Все они и составляют общечеловеческую цивилизацию, а взятые в единстве с ней раскрывают историческое движение человечества с особой, цивилизационной стороны.

Системные и цивилизационные различия переплетаются: на характер социальной системы накладывается своеобразие цивилизации, происходит взаимопроникновение системообразующих и цивилизационных черт. В процессе их диалектического сращивания, и благодаря ему, система перестает быть мертвой социологической схемой. Цивилизация, со своей стороны, приобретает среди ориентиров социального прогресса человечества подобающее ей историческое место.

О наличии взаимосвязей между цивилизацией и общественной системой, их глубины и значимости свидетельствует способность социальной системы к развертыванию в цивилизацию в результате проникновения во все области общественной жизни специфически системных принципов и ее переустройства на данной основе. Это можно проследить на примере капитализма и социализма. В XX веке они были не просто общественными системами, а представляли, соответственно капиталистическую и социалистическую цивилизации.

Упомянутые выше группы различий и образуют наиболее широкий системно-цивилизационный контекст, куда так или иначе вписывается рынок вместе с совокупностью правовых, социально-политических и психологических условий, непосредственно обеспечивающих его функционирование. Убеждение в способности собственно рынка генерировать самостоятельную, или "рыночную", общественную систему либо цивилизацию предполагает абсолютизацию его действительного значения в развитии общества.

Характерно, что и современная общественная мысль на Западе подвергает критике идеи о самодавлеющей роли чисто рыночных принципов даже в функционировании самого рынка, не говоря уже о жизни общества в целом. В возрастающей степени признается значение "нерыночных" начал и ценностей. Американский ученый В. Райнике на основе анализа классических и неоклассических экономических теорий пришел к выводу о том, что рынок представляется ими в качестве "идеализированного состояния", когда рациональные деятели под влиянием собственного интереса взаимодействуют друг с другом без каких-либо правовых, политических и иных ограничений; когда они лишь в минимальной степени интересуются социальными отношениями, своей историей, традициями, этническими и другими факторами. "В этой атомизированной, недосоциализированной и деполитизированной концепции человеческого действия, — пишет В. Райнике, — рынок предстает отдельной дифференцированной сферой современного общества, не связанной с более широким политическим, социальным и историческим окружением, в котором он находится. Экономическая рациональность преобладает над политической, социальной и юридической рациональностью". В действительности, как подчеркивает автор, "рыночная экономика — это сложная организация, основанная не только на взаимодействии индивидуальных экономических предпочтений, но также на социальных взаимоотношениях и моделях поведения, правовых нормах и механизмах, а также политических силах и учреждениях, структурно взаимодействующих в относительно последовательном поведении, характерном для любого крупного института. Рыночная экономика — принципиальная форма социальной

организации, управляющая развитыми индустриальными демократиями. Любое изменение экономических обстоятельств, в которых взаимодействуют индивиды, будет, таким образом, иметь большое влияние на политические, правовые и социальные структуры, на основе которых протекает экономическая активность." [1] Естественно, имеет место также обратный процесс: влияние неэкономической сферы на экономическую ситуацию. Здесь отмечается растущее значение факторов, которые ранее считались несовместимыми с началами рыночной деятельности, например, с индивидуализмом. В настоящее время последний пытаются причудливо сочетать с коллективизмом. "Институты рыночной экономики... — отмечает В. Райнике, — зависят также от присутствия коллективных благ, как доверие, которые рыночный процесс сам по себе не может обеспечить..." [2]

Значит, общество не просто механически складывает элементы рынка. Оно взвешенно и критически оценивает каждый из них в динамике всей общественной жизни и только после этого включает их в свою социальную и цивилизационную ткань с мыслью о самосохранении и стимулировании своего дальнейшего поступательного развития. Последнее же осуществляется на основе объективных законов при активной роли субъективного фактора — решений и действий различных общественных сил, социальных групп и отдельных личностей в разных сферах общества. Если справедлива старая философская максима, гласящая, что все народы, как и отдельные люди, повинуются известному естественному закону, то столь же верно и другое положение: каждый сам строит свое будущее согласно условиям, возможностям и представлениям, причем не только личным, но, и, в первую очередь, общественным.

Историческая перспектива общества не может быть ограничена рынком: установлением известного набора чисто рыночных факторов, степенью регулирования рынка государством, общественными институтами и процедурами, которые считаются спутниками рыночных отношений. Вопрос о будущем того или иного общества затрагивает даже не столько рынок, сколько возможности непрерывного всестороннего общественного прогресса. Стало быть, предполагается выбор обществом такого общественного строя, который в данных исторических условиях способен приумножить общественные достижения прошлых лет. Рынок же служит конкретным средством решения этой задачи, но не самоцелью развития общества.

Степень нынешней поглощенности общественного внимания "рынком" и "рыночными" преобразованиями тем более настоятельно выдвигает проблему приоритетов развития в первую очередь в рамках взаимодействия трех его факторов — общественной системы, цивилизации, рынка. Это чрезвычайно важно для научного предвидения будущего общества и для успеха самих рыночных преобразований. Тупик, в который они попадают, вызван не их недостатком и непоследовательностью, как это нередко утверждают, а утратой социально-цивилизационной перспективы, что уже нанесло и продолжает наносить ощутимый урон рынку.

В системе многообразных факторов общественного прогресса в долговременной перспективе рынок не может претендовать на признание за ним высшего приоритета. Выступая в определенный исторический период эффективным фактором развития общественных производительных сил и общества в целом, он в то же время не исключает других приоритетов. Кроме того, рыночные отношения сами претерпевают значительные изменения. Отсюда и "перспектива" общественного развития, формируемая исключительно вокруг рынка и на его основе, неизбежно принимает абстрактно-рыночный вид из-за искусственно суженного поля исторического видения.

"Рыночные" преобразования: опасности и шансы для будущего

Конечно, образ будущего складывается на фундаменте основополагающих реформ. Они зависят также от главных направлений и тенденций развития в послереформенный период. И все же путь от настоящего до определенной точки в будущем, где предполагается завершение намеченного реформаторского проекта, измеряется не одними лишь успехами или неудачами рыночных реформ. Понятие перспективы ассоциируется прежде всего с теми качественными изменениями, которые произойдут в цивилизационных устоях, с тем, насколько новое качество будет воспринято обществом, что является непременным условием его устойчивости и внутренней определенности.

Уклонение от целостного исследования и публичного обсуждения социальной природы возникающего общественного порядка в единстве его рыночного, системного и цивилизационного аспектов оборачивается веером, пусть даже не лишенных известных крупниц истины, произвольных выводов в теории и многими отрицательными явлениями политического, экономического, социально-психологического и иного характера.

Общество, на чью долю в конце XX века выпадают все новые и новые, невиданные в цивилизованных европейских странах до этого времени трудности и лишения "перехода", вправе знать, куда ведет и что обещает ему этот "переход". Широкая и гласная постановка таких вопросов, свободное их обсуждение с различных политических и общественных позиций — это не только элементарное требование цивилизованного ведения политики, но и — самое главное — возможность повседневного живого общения с народом.

Ведь чем бы ни руководствовались "реформаторы", в конечном итоге участь "реформации" определит сам народ своей поддержкой "реформ" или же, наоборот, отказом от них. Поэтому вряд ли стоит откладывать серьезную дискуссию и диалог до тех времен, пока "рыночная реформация", в соответствии с ожиданиями самих "реформаторов", не станет "необратимой". Вопреки довольно распространенным иллюзиям, свойство необратимости обеспечивается не выигрышем во времени, созданием реформам соответствующих "пространств" — правового и других, постепенным, "явочным" вхождением новых структур в жизнь общества.

Известно, что в обществе могут надолго укрепиться, войти в его плоть и душу, а тем самым приобрести прочную социальную базу только такие преобразования, которые отвечают коренным интересам народа, открывают перед ним шансы всестороннего прогресса и возвышают его среди других народов, не допуская превращения в орудие обслуживания чьих-либо притязаний. В противном случае "реформацию" ждет неизбежный крах, как бы его наступление ни оттягивалось. Волю же и ум народных масс не способно заменить никакое социальное маневрирование.

Мысли о будущем присутствуют в общественном сознании постоянно в качестве одной из форм осознания людьми условий своего бытия в мире. Но наступают периоды, когда будущее приобретает особый статус, полностью подчиняет себе общественное и индивидуальное сознание, становится их социально-психологической доминантой. Это происходит, как правило, в переломные исторические периоды, характеризующиеся быстрой сменой формы развития — "нормального", то есть относительно спокойного, эволюционного движения вверх по ступеням прогресса, спонтанностью, резкими, хотя и кратковременными скачками.

Чтобы поступательность движения соблюдалась, скачки в свою очередь должны способствовать переводу общественных отношений на такие пути, где развитие вновь "нормализуется" уже не на прежней, а на иной, более высокой качественной основе. Связь между скачком и последующим движением весьма важна как для адекватного

понимания того и другого, так и происходящих в обществе изменений.

Если серия революционных потрясений, то есть скачек в его начальной, "взрывной" стадии не открывает дороги последующему становлению более высокого общественного качества, то он утрачивает свой жизненный смысл, сводится к пресловутому "прыжку в никуда" и вправе именоваться просто "хаосом", "смутой" и т.д. Вторжение на авансцену общественной жизни дремавших где-то на ее обочине иррациональных сил, с намерением осуществить свой замысел, всегда вносит в нее серьезный разлад. Независимо от того, когда в общественном развитии — до или в период смены его форм — наметилась деструктивная тенденция, она с этого момента набирает силу, распространяясь на все общественные институты. Разрушение становится по крайней мере на какое-то время одержимостью реформации. Общественные перемены утрачивают первоначально заданное им направление.

В линии исторического прогресса в таких случаях отмечаются многочисленные изломы, хотя совершенно не исключено, что с течением времени она может выправиться. Но если это и произойдет, общественные процессы уже не смогут вернуться в намеченную колею. Картина существенно усложнится и вряд ли воспримет суть социального проекта тех общественных сил, которые, взяв на себя историческую задачу смены форм прогресса, затем, из-за некомпетентности, безответственности, узкой "элитарности" или же прямого отрицания общественных интересов, уступили историческую инициативу носителям хаоса и смуты. Открывается широкое поле для исторической деятельности тех сил, чей социальный проект дает обществу реальную возможность перевернуть "темную страницу" своей истории и вступить на путь конструктивных перемен.

Во многом это связано с тем, что утрата шансов на осуществление первоначального, в данном примере — "рыночного", реформаторского проекта влечет за собой радикальную переоценку значения различных прагматических и эмпирических программ. Одновременно возрастает интерес общества к собственной идентичности и историческому опыту, откуда стремятся почерпнуть нечто полезное для будущего. Острая борьба социальных и политических интересов, естественно, не прекращается. Наоборот. Она усиливается, а фронт ее расширяется выдвижением в фокус борьбы социального и цивилизационного аспектов. Все это составляет необходимый материал для воссоздания более или менее реальной картины того состояния, в котором общество может оказаться в последующие годы и десятилетия.

Мы остановились на отдельных моментах диалектики качественных общественных преобразований не только для того, чтобы напомнить о возможности неожиданных и во многом непредсказуемых поворотов линии развития, особенно когда стратегия стоящих во главе его общественных сил упрощает либо не учитывает важные общественные взаимосвязи и взаимообусловленности. Изложенные выше идеи имеют непосредственное отношение к реальным процессам, происходящим в бывших советских республиках, государствах Центральной и Восточной Европы. Нынешняя драма в данных регионах уже приобрела все очертания серьезной европейской и мировой проблемы, увеличив таким образом перечень глобальных проблем человечества перед началом XXI-го столетия. Это в значительной мере объясняется тем, что, призванный "перевернуть" всю общественную жизнь, "рыночный" эксперимент фактически обнажил в ней неподдающиеся произвольному манипулированию социально-системные и цивилизационные пласты. Разрушение их означало бы беспрецедентную для нашего времени катастрофу и постав; то бы под вопрос будущее многих стран и народов.

Итак, переломный период в развитии нашего общества совпадает с экстремальной ситуацией в нем. Она обусловлена, с одной стороны, сложностью и противоречивостью процесса смены форм развития и возникновения нового общественного качества, а, с другой — самим существом реформаторского социального проекта, присущими ему внутренними противоречиями, выбором средств его осуществления, да и всей стратегией "реформации", реализуемой под девизом "перехода к рынку". В результате возник глубочайший и всеохватывающий общественный кризис. Показательно, что он не ослабевает по мере разрушения "отживших форм" общественной жизни, а наоборот, усиливает свою хватку. Обнаруживается парадокс: одновременно с упомянутыми "формами" разрушаются устои общества, и оно теряет организованный характер.

В чрезвычайной исторической обстановке повышенный интерес к будущему уступает место озабоченности и тревоге. Общественное сознание терзают фундаментальные вопросы человеческого существования — вплоть до гамлетовского: "быть или не быть". Развитие событий вынуждает и политику, и науку перейти от поиска новых средств изменения общества к выявлению внутренне присущих ему гарантий, способных предотвратить распад общественного организма и сохранить его целостность. Сюда, в частности, относится природа социальной системы и ее элементов.

Любые обобщения насчет социальной перспективы апеллируют к определенному общественному строю. Тем самым они становятся активной силой в борьбе за его утверждение. "Известно, — пишет Л.Колаковский, — что в вопросах экономики и политики предсказания — вещь отнюдь не безобидная. Мы не метеорологи, и когда говорим о нашем объекте, то на него воздействуем".[3] Альтернативы будущего тем самым превращаются из обычных исторических путей в средство прокладки каждой из борющихся сил своего собственного пути в будущее, а, значит, и формирования этого будущего. В случае победы определенного социального проекта высвобождаются, переходя в общественную практику, заложенные в нем тенденции и потенции развития. Они приносят обществу пользу или вред в зависимости от того, насколько выбор общественного строя отвечает внутренним потребностям прогресса и мировым критериям.

Напомним, что обращение к рынку не снимает проблемы выбора социальной системы. В современных условиях, вопреки надеждам "рыночников", нельзя рассчитывать на "ползучее" проникновение в другие социальные системы, цивилизации с мыслью о повторении опыта того общества, в недрах которого рыночные отношения исторически приобрели наиболее развитые формы.

Рынок вместе со всеми относимыми сюда политическими и правовыми аксессуарами — это слишком обыденная на исходе XX столетия тема, чтобы ее драматизировать и ставить в один ряд с жизненно важными для всего человечества проблемами экологии, производства дорогостоящего разрушительного оружия, социального неравенства, нищеты и т.д. "Рыночная" дорога представляется хорошо накатанной. По ней уже успели пройти многие десятки стран, положительный и отрицательный опыт которых доступен каждому. Он может быть проанализирован и применен в условиях любой из существующих ныне общественных систем и цивилизаций без потрясения их основ. То обстоятельство, что "рыночные реформы" проходят (если они действительно проходят в полной мере) под сенью глубокого общественного кризиса и уже поставили на карту будущее охваченных ими стран, народов, цивилизаций, дает основания не столько для демонизации самих рыночных отношений, сколько ставит вопрос о природе социальной системы, в рамках которой могут быть успешно разрешены противоречия и проблемы,

оказавшиеся непосильными для рынка.

Проблема поиска такой общественной системы возвращает нас к нынешнему кризису в Республике Беларусь, его сущности и истокам. Важно знать, обусловлен ли кризис внутренней несостоятельностью социализма и, стало быть, является кризисом данного общественного строя, или же он вызван иными причинами. В последние годы общественному сознанию предложена в качестве аксиомы мысль о том, что кризис — это результат полной дискредитации социализма — по аналогии с распространенным еще недавно упрощенным пониманием общего кризиса капитализма.

Кризисное развитие всех, без какого-либо исключения, составных частей до недавнего времени единой экономически и политически страны — Советского Союза — имеет свои отличительные особенности. Его ни в коей мере нельзя отождествлять ни с одной из известных форм и проявлений кризиса капиталистической системы. Глубоко ошибочным было бы перенесение разработанной применительно к капиталистической системе методологии анализа кризисных процессов, в частности механизма кризисного цикла в экономике, на кризисные потрясения, переживаемые, например, на рубеже 1980-х и 1990-х годов бывшим советским обществом.

Основу кризиса на Западе образует, как это доказано многими учеными не только марксистской ориентации, несоответствие частной формы собственности непрерывно развивающемуся обобществлению производства. "...Частнохозяйственные и частнособственнические отношения, — писал В.И. Ленин, — составляют оболочку, которая уже не соответствует содержанию..." и "которая все же неизбежно будет устранена".[4] Распад формы и содержания может в определенной степени на какое-то время смягчаться различными мерами, в первую очередь государственным регулированием, но он принципиально неустраним в пределах существующей экономической системы. Из экономического очага кризисные процессы переходят в политику. Не остаются в стороне культура, нравственность, религия.

На Западе кризис является глубоким и всеохватывающим: от экономического базиса общества он распространяется "вверх" на все надстройки над ним. При этом нарастание кризисных явлений идет естественным путем. Оно подталкивается собравшимися в один узел экономическими и неэкономическими противоречиями капиталистического общества. Действия парламентов, правительств, политических групп и отдельных личностей, конечно, способны усугубить или, наоборот, улучшить положение, но не в состоянии радикально изменить его.

Следовательно, для Запада преодоление кризиса связано со сменой существующей там социально-экономической системы. Эта проблема продолжает существовать и в нынешнем десятилетии вопреки утверждениям авторов многочисленных теорий, склонных считать современное западное общество уже вышедшим за пределы капитализма, то есть "посткапиталистическим". Такого мнения придерживается, например, американский ученый П.Дракер. Он полагает, что развитые страны, покончив с капитализмом, вступили в "посткапитализм". Несмотря на сохранение рынка в качестве "интегратора экономической деятельности", там формируется общество "новых классов", а его ключевым ресурсом служит знание ("информационное общество").[5] Помимо того, что автор разводит обычно отождествляемые понятия капитализма и рынка, он, как видим, ищет решение старых и новых проблем системы, не касаясь их подлинных источников.

На самом деле имеет место не процесс преодоления упомянутого основного противоречия капитализма, а всего лишь приспособления к нему с помощью тщательно продуманной стратегии экономического и социального маневрирования с учетом развития производительных сил общества. В итоге данное и другие противоречия

капитализма выносятся за рамки системы и тем самым интернационализируются. Уделом многих народов земного шара становятся экологические катастрофы, инфляция, безработица и т.п., так что хронический недуг капиталистического общества грозит обернуться упадком человеческой цивилизации вообще.

В противовес Западу, кризис, постигший советское общество, не является кризисом ни экономики, ни общественной системы социализма. Он имеет свои специфические особенности и свою природу. Вряд ли стоит оспаривать то обстоятельство, что выходу кризисных явлений на поверхность общественной жизни способствовали ее объективные противоречия, их известное обострение. Ясно, однако, и то, что какой бы ни была острота противоречий, не в них причина нынешнего кризиса.

Как-никак главный, присущий Западу, источник антагонизма — между обобществлением производства и его частнособственнической оболочкой, даже если и принять во внимание наличие теневой экономики, — в масштабе всего социалистического хозяйства все-таки отсутствовал и, конечно, не мог постоянно подтачивать его изнутри. Что же касается всей совокупности противоречий собственно социалистического строя, то в них до сих пор не выявлено никаких тенденций, которые объективно вели бы к его разрушению и требовали замены новым строем, как это имеет место на Западе.

И все же беспрецедентный в далеко не идиллической истории советского общества его надлом, со всеми вытекающими отсюда последствиями, налицо. Полную научную картину внутренних и внешних причин, всех факторов происшедшей исторической драмы предстоит воссоздать. Однако еще до того, как это будет осуществлено, можно без особого риска указать на основные из них.

Во-первых, это манипулятивное обращение официальной власти — партийной и государственной — с объективно существующими противоречиями социалистического общества, из-за чего они не получали ни должного внимания, ни, тем более, разрешения. Если в доперестроечное время эти противоречия большей частью замалчивались, приносились в жертву чисто пропагандистскому восхвалению социализма, то с началом перестройки и в постперестроечный период, наоборот, столь же декларативно поднимались на щит.

Первоначально официальная идеология связывала это с необходимостью более полного использования и интересах народа таящихся в социализме возможностей путем разрешения назревших либо назревающих противоречий. Впоследствии же, с началом 1990-х годов, в официальных средствах массовой информации происходит крутой поворот к доперестроечной трактовке противоречий, только в перевернутом виде: к реально существовавшим противоречиям добавляются мнимые, и все это подчиняется уже не апологии, а огульному охаиванию и отрицанию социализма.

Инструментальный подход к противоречиям социализма, таким образом, подменил собой целенаправленную научно обоснованную стратегию их выявления и последующего разрешения. Конкретными проявлениями такого подхода послужили последовательно сменявшие друг друга апология, политическая спекуляция, нигилизм. Последний возвестил о начале реализации продуманного плана разрушения социалистического общества изнутри. Идеино-психологическим обоснованием этого стали разного рода нигилистические выпады, так что крайности заменили друг друга: восхваление обернулось отрицанием, отрицание же было подготовлено бездумным восхвалением.

Во-вторых, осуществление извне тщательно разработанной и целенаправленной стратегии разрушения устоев советского общества. Своим появлением на свет она обязана многолетней деятельности различных стратегических центров и "резервуаров мысли" на Западе, специализирующихся в деструкции неугодных обществ,

политических режимов и т.п. В связи с нарастанием в конце 1980-х годов в некоторых советских республиках, в частности в Прибалтике, сепаратистских тенденций, на Западе приходят к убеждению в том, что наступил час их открытой поддержки, поскольку они отвечают его собственным давнишним планам в отношении Советского Союза. На это обстоятельство указывает американский политолог Д. Вильгельм. "Должен ли теперь Запад думать о немыслимом? Должен ли он планировать решительные меры, чтобы осуществить раннее расчленение советской империи? Изложенный столь смело такой план показался бы, на первый взгляд, совершенно нереалистическим. Однако семена посеяны и они уже прорастают. Запад может спокойно и умело возвращать семена освобождения".[6] "Семена", оказавшись в перестроечном грунте, дали, как и ожидалось, свои всходы.

В-третьих, синхронное осуществление внутренней и внешней стратегии разрушительного воздействия на советское общество. Необходимо согласиться с ученым-философом А. А. Зиновьевым в том, что социалистический строй, далеко не достигший стадии зрелости и не успевший развить все заложенные в нем потенции, "был просто убит силами внутренней контрреволюции и Запада", и что "утверждения, будто он обнаружил свою нежизнеспособность, лишены каких бы то ни было оснований".[7] Несомненный исследовательский интерес представляет вопрос о том, в какой мере упомянутая синхронность явилась итогом предварительного согласования намерений и целей. Сам же его факт, пожалуй, уже не вызывает сомнений.

Совокупное действие упомянутых выше причин и факторов привело к весьма неблагоприятным для советского общества последствиям. Многие из них, в свою очередь, способствовали возникновению новых очагов кризиса. Однако, прежде чем распространиться, кризис заявил о себе в определенной сфере общества. В отличие от Запада это была не экономика, а политика. Эпицентр кризиса возник в области надстройки. Сам же кризис приобрел первоначально надстроечный, но отнюдь не базисный характер. Нарастание его затем пошло не снизу вверх, как на Западе, а, наоборот, сверху вниз. Переживаемые ныне бывшим советским обществом потрясения на деле являются ни чем иным, как крупномасштабным кризисом политики, перенесенным в экономику и другие сферы. Он не может рассматриваться в качестве проявления естественноисторической закономерности и выступает искусственным творением.

Исходной же предпосылкой естественного, исторически оправданного движения к новому обществу может служить только объективно назревший кризис старого. "Ни одна общественная формация не погибнет раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, — писал К.Маркс. — Поэтому человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить..."[8] Понятно, что сама попытка уничтожения социализма в глобальном масштабе в конце XX века, когда этот строй диктуется всем ходом общественной жизни, была бы чистым безумием. В пространстве же отдельной страны, даже такой, как бывший Советский Союз, акция по уничтожению социализма, будучи ничем не оправданной, оборачивается значительными издержками: утратой на какое то время темпа поступательного развития, попятным движением с вытекающими отсюда экономическими, социальными и иными потерями.

Главные особенности и специфика кризиса, переживаемого ныне нашим обществом, позволяют сделать вывод о том, что это отнюдь не кризис социалистического общества как такового. Отсюда и вопрос о выборе нового общественного строя в данном случае, не в пример Западу, не имеет под собой объективной основы. Перспектива выхода из

кризисного состояния не равнозначна отысканию нового типа общественной организации и требует осмысления, прежде всего, в плане устранения всего комплекса причин и следствий нынешнего кризисного процесса. Пока это не будет сделано, пока внимание общества будет отвлекаться "рынком" и смутными упованиями на то, что он сам по себе приведет к более высокой в сравнении с социализмом общественной организации, кризис будет сохраняться и приобретать еще более жесткие формы.

Таким образом, вопрос о социализме как альтернативе прозябанию общества в условиях дряхлеющего кризиса и нарастающего хаоса, строе, способном подчинить стихию рынка общественным целям и превратить его в средство прогресса, перспективе развития общества и человека отнюдь не снимается. Он продолжает сохранять всю свою значимость. Этот вывод подтверждается также рассмотрением и оценкой других вариантов социального будущего, которые выдвигаются в связи с рынком.

Бездорожье "переходного общества"

Появлению новых форм и типов общества всегда предшествует известный переходный период, необходимый для качественного преобразования всех общественных структур на новой основе. Понятие "перехода" в настоящее время широко используется представителями "демократической" и "рыночной" власти для определения нынешнего состояния общества во всем реформируемом пространстве бывшего Советского Союза, Центральной и Восточной Европы. Данному понятию несомненно присуще политическое, идеологическое и теоретическое содержание, которое концентрируется вокруг ряда "преобразований". Важнейшие из них:

О "искоренение" элементов социализма, в чем бы они ни проявлялись;

2) внедрение западных институтов, стандартов и норм во всех областях общества.

Необходимо указать также на активную роль государства в упомянутых "преобразованиях" при его весьма сдержанном отношении к регулированию "рынка". Внешне упомянутый выше "переход" вполне вмещается в рамки марксистской концепции переходного периода от капитализма к социализму, реализуемой, правда, в обратном порядке.

Основная задача "перехода" номинально предусматривает "приспособление" к реальностям мира на пороге XXI века. По мнению болгарского социолога Н.Генова, например, общую тенденцию социального, экономического, политического и культурного развития стран Центральной и Восточной Европы можно было бы охарактеризовать как "всестороннюю адаптацию к качественно новым местным и международным условиям, то есть как попытку повысить общий уровень социальной рациональности с тем, чтобы достичь всесторонней (максимальной) социальной рационализации".[9] Оставаясь во многом абстрактной, концепция "возрастания рациональности", пожалуй, включает в себе ожидания поступательного развития.

В действительности наблюдается нечто диаметрально противоположное: отрицание всякой рациональности, переходящее в хаос, вследствие бездумной, но упорной реализации сомнительных социальных проектов Запада, которые открыто противопоставляются общественному строю, а также цивилизационным особенностям стран Центральной и Восточной Европы. Так, ^{та1} по убеждению американского аналитика Дж.Феффера, Восточной Европе ^{во} навязывается "особый тип модернизации: бизнесом — изнутри, западными ^{но} правительствами и многонациональными институтами — извне. МФ и Р^в ВБ обусловили займы "структурным приспособлением": сокращением пра-^{ем} вительственных расходов, общественных фондов, принудительной эконо-^{но} мией, недемократической экономической реформой.

Эта форма вестернизации^ш экспортировалась в другие регионы мира с печальными последствиями". В подтверждение своей мысли автор цитирует вывод Дж.Брокуэя: "Если в Восточная Европа скопирует ошибки своих западных прототипов, то в^{ол} лучшем случае она может надеяться на то, что за страданиями нынешнего поколения последует лучшая жизнь следующего поколения. В этом... заключалось также обещание коммунизма. Однако подобные обещания выполняются редко". Далее Дж.Феффер излагает собственные выводы: "Подхлестываемая этими обещаниями Восточная Европа превращается в зону эксплуатации, в полустанок для стремящихся уйти от постсоветских проблем, в свалку для западных отходов и старой технологии. Когда экологические грехи капитализма добавляются к серьезным проблемам, оставленным коммунизмом, эта зона будет какой угодно, только не зеленой". Завершая свои мысли, автор обращается к труду Х.Френча "Зеленые революции", где сказано: "Хотя страны региона (Восточной Европы — В.Б.) имеют уникальный шанс избежать некоторых ошибок Запада, мощные силы толкают их к повторению этих ошибок".[10]

Дж.Феффер приводит конкретный пример: "Постсоветский Союз, — отмечает он, — уже начал копировать ошибки модели Бальцеровича, побуждаемый теми же западными экономистами, которые впервые создали польскую "шоковую терапию".[11] В приведенных констатациях сквозит !• тревога, причем даже не столько за будущее стран на стадии "перехода к^{В1} рынку", сколько за благополучие и безопасность западных государств. И^{т1} она не лишена оснований. Надежными звеньями в любой системе международной безопасности могут быть только внутренне стабильные и дина-^нмично развивающиеся государства, чего нельзя сказать об участниках^м "рыночного" марафона.

Дело в том, что едва начался "переход", как уже с достаточной ясностью^{с1} обозначились многие его противоречия. Среди них на первое место выдвигается основное: углубление противоположности между узко групповыми^У целями "рыночных" нововведений, с одной стороны, и интересами прогресса и общества, с другой. Наиболее рельефно это проявляется в самом факте пренебрежительного отношения к основополагающей, общественно значи-^нмой, долговременной цели, способной подчинить формируемое ныне обще-¹ство материальному и духовному подъему его граждан. "Вхождение" стран Центральной и Восточной Европы в западноевропейскую экономику означа-⁽ет для них, как пишет упоминавшийся уже В.Райнике, "демонтаж всей центральной системы экономического планирования и создание основной институциональной инфраструктуры... рыночной экономики.., основанной на частной собственности и на свободном обмене товарами, услугами, трудом и капиталом..."[12] "Демократические" правительства, действительно, повсюду ставят такую задачу и предпринимают практические шаги для ее решения. Однако это дает ограниченный эффект.

Согласно современному западному подходу к рыночной экономике, в цивилизованном обществе "важно иметь в виду конечную цель трансформации системы...: не просто приватизировать и стабилизировать экономику, а построить фундамент рыночной экономики, которая могла бы поднять жизненный уровень общества.., генерируя долгосрочный, самоподдерживающийся экономический рост. Приватизация и стабилизация — необходимые, но недостаточные условия. Значительные части общества

также должны идентифицировать себя с трансформацией системы, участвовать в процессе и поддерживать его".[13] Важность упомянутой конечной цели и основных

путей ее достижения, как предпосылки стабильности рыночных преобразований, не вызывает сомнений. Следовательно, неприемлемы и противоестественны, с точки зрения общественных интересов, попытки подменить конечную цель "прагматическими подходами" к решению проблем "реформируемого" и "трансформируемого" общества.

Стоит упомянуть и о назначении так называемого "прагматизма". В обиходе "рынка" он неизменно фигурирует в качестве противовеса "идеологии", в том числе и понятию объединяющей общество высокой, долговременной цели, обладающей идеологической природой. На самом же деле "неидеологичность прагматизма" и основанных на нем подходов — это миф. "Прагматизм" сплошь и рядом выполняет идеологические функции. Среди них отметим уход от обобщающих социально-философских оценок всего комплекса преобразований в период "перехода" и вызываемых ими общественных последствий.

Вне соотнесения с позитивной общественной целью и диктуемым ею критерием оценки искажается смысл событий. Происходящие изменения облачаются в нейтральную оболочку "становления рынка", хотя объективно означают нечто совершенно иное: стремительный откат общества на целые десятилетия назад от достигнутых им рубежей.

Об этом свидетельствуют обобщенные показатели развития, характеризующие состояние общественных производительных сил, образ и качество жизни людей. Так, уровень промышленного производства в России и Республике Беларусь всего лишь за несколько лет снизился примерно в 2 раза и продолжает падать. В 1994 году в России он составил 79,1 процентов от 1993-года (по машиностроительному комплексу — 55 процентов), а объем внутреннего валового продукта (ВВП) — 85 процентов. Существенно сократились производство и потребление основных продуктов питания.

Значительно уменьшилась продолжительность жизни. Если в последние годы советского периода по СССР она равнялась 64,5 годам для мужчин и 74 годам для женщин, то в РФ теперь мужчины живут в среднем 58,5 лет, женщины — 69,5 лет. Для сравнения: в США этот показатель составляет 72,7 года для мужчин и 79,4 года для женщин.

Катастрофически увеличивается, причем повсеместно, число самоубийств: в 1994-м году оно возросло в сравнении с 1991-м годом примерно на одну треть.

Заметно падает рождаемость: в 1987-м году в РСФСР родилось 2,6 млн. детей, в 1994-м — 1,4 млн.; в Республике Беларусь в 1991-м году — 132045 чел., в 1994 году — немногим более 100 тыс. человек.

Ухудшаются условия воспитания и жизни детей. В докладе ЮНИСЕФ, опубликованном в начале октября 1994-го года, говорится о губительном влиянии на положение детей при "переходе от коммунизма к рынку" таких феноменов регресса, как резкое снижение уровня материального благосостояния и духовной жизни людей, падение нравственности, стремительный рост преступности, в частности, сопряженной с прямым насилием над личностью. Таким образом, наше общество методически и по всем параметрам подрывает потенциал, столь необходимый ему для обеспечения своего будущего в окружающем его мире наций и народов.

Речь идет не просто об истощении физических способностей, что в возрастающей степени имеет место. Происходят разбазаривание и безответственная трата энергии интеллекта, высокий уровень которого всегда отличал лучших представителей нашего общества. Убедительным примером интеллектуальной деградации общественной жизни в период "рыночной реформации" служит упадок науки. Он означает невостребованность результатов научного труда и, стало быть, их ненужность, что

само по себе является приговором "рыночному обществу". Взгляд на науку с позиций "рынка" и МВФ приводит к печальным итогам: уменьшению количества научных учреждений и занятых там сотрудников, разрушению научных связей, распаду научных школ, отсутствию полноценного научного пополнения, социальной незащищенности ученых, резкому ухудшению состояния материально-технической базы науки и т.д.

Одна лишь Академия Наук Беларуси, представляющая в республике фундаментальную науку, к началу 1995-го года потеряла около 50 процентов своих сотрудников. По оценкам экспертов, сокращение их числа еще на 10-15 процентов приведет к необратимому разрушению фундаментальной науки. Как подчеркнул президент АН Б академик Л.М.Сущеня, научный потенциал вместе с природными ресурсами стоит на первом месте с точки зрения выживания и расцвета нации. Эти компоненты мы сегодня должны беречь как зеницу ока, ибо в них "мозговая составная — номер один. И если сегодня этот компонент мы распылим, даже если он просто перераспределится в коммерческие структуры и предпринимательство, то... мы стратегически проиграем".[14] Общество, не ценящее свой потенциал и не умеющее распорядиться им, не может в современном мире рассчитывать на перспективу поступательного саморазвития. Оно в конечном итоге вынуждено будет довольствоваться местом и ролью, отведенными ему по прихоти других.

Рассмотренные выше тенденции и факты общественного развития в "переходный период" дают основания для вывода о том, что по своему содержанию оно отвечает определенному социальному конспекту, когда — осознанно или нет — *закладывается крупный исторический проигрыш*. Исторически проигрышная, а поэтому бесперспективная стратегия "рыночных реформ" своим существованием во многом обязана, как считает М.Адлер, "жесткому идеологическому мышлению в Вашингтоне и на Уолл-стрите".[15] Там не допускают даже мысли о переводе экономики стран Центральной и Восточной Европы на современную технико-технологическую основу, но одновременно навязывают им "суровый шок ничем не сдерживаемой дерегуляции рынка в сочетании с немедленной распродажей государственных предприятий отечественным предпринимателям и иностранным спекулянтам" с сопутствующими этому действию безработицей, высокой инфляцией и т.п.[16] "Рынок" оборачивается разрушением экономики, что затем оправдывается "американскими национальными интересами". Интересы же народов в "реформируемых" государствах просто не принимаются в расчет.

Подобное "приспособление" к реальностям будущего века представляется, скорее, явлением иррациональным. Черты "рациональности" оно приобретает в иной системе отсчета, где субъектом развития выступают уже не сами "общества на стадии перехода", а иные, внешние по отношению к ним, силы. Интересы и воля последних становятся доминирующими. "Рациональность приспособления" здесь приобретает новый смысл, ибо субъект истории превращается в ее объект.

Перед ответственным выбором

Сущность и особенности "периода перехода" отбрасывают свою тень вперед, где уже маячат конструкции предполагаемого "нового общества": "демократический социализм", "общество социал-демократического типа", "социальное государство", "популистско-социалистический режим", "постсоветское общество", "либеральный капитализм", "криминальный капитализм", "мафиозный постсоветский социум", "клановое общество", "атомизированное общество". Из приведенного разнообразия понятий (а их число может быть увеличено) вытекает вполне однозначный вывод:

ни наука, ни политика в обстановке продолжающейся "рыночной реформации" либо не имеют ясного и однозначного представления о типе общества, к которому приведут "реформы", либо пока воздерживаются от широкого обнародования своих подлинных взглядов.

Особняком стоят общества, различаемые по формационному критерию: социалистическое и капиталистическое. Данной типологии по-прежнему придерживается значительная часть отечественных и зарубежных ученых, вопреки модным, но бессодержательным экспериментам с приставкой "пост", попеременно относимой к социалистическому и капиталистическому обществам.

Отсутствие ясности и определенности в понимании типа будущего общества во многом объясняется объективными причинами, в первую очередь, жизнеспособностью социалистических структур в основных сферах общественной жизни (экономике и т.д.), их принципиальным соответствием требованиям времени и потребностям общественного развития, а также невозможностью найти им сколько-нибудь адекватную замену. Необходимо подчеркнуть, что ни провозглашенная в различных странах Центральной и Восточной Европы на рубеже 1930-х и 1990-х годов "демократическая альтернатива коммунизму", ни последовавший за нею "переход", хотя они и вызвали много путаницы, все же не смогли увести общество в сторону от объективных законов на искусственно уготованные ему пути.

Симптоматично, что западные исследователи, охотно пользующиеся определением "бывший" при любом упоминании слов "Советский Союз" и "коммунизм", проявляют сдержанность в своих выводах относительно формационных сдвигов в регионе Восточной и Центральной Европы. Происшедшие "революции", как утверждает американский ученый Р.Нэйшн, "не решили вопроса о долговременной социоэкономической ориентации" расположенных там обществ. Учреждение "стабильных демократических институтов", решение многих других проблем оставляет немало места для "политической конфронтации в предвидимом будущем".[17] Сосредоточив удары на политической надстройке социализма, "демократы", правда, добились ощутимых успехов в ее разрушении. Однако на основе своей концепции и в сфере политики им не удалось создать сколько-нибудь прочных институтов. Американский аналитик С. Бланк признает, что ни одно из восточноевропейских обществ в силу своей природы "не благоприятствует превращению либерализма в жизнеспособную идеологию и институционализированный процесс". Либерализм здесь остается "проектом интеллигенции" и навязывается "извне" или "сверху". Ему недостает ни социально-институциональных, ни культурных предпосылок, ни класса, способного отстаивать либерально-экономические интересы. В "обществах с сильными ожиданиями социалистического благосостояния, которые в своей основе являются антирыночными, будущее либерализма во всем регионе остается по существу проблематичным. В данной обстановке единственная надежда — это активная роль государства по части либерально-рыночных преобразований. Однако в их проведении государство наталкивается на огромные, по сути, непреодолимые трудности. Если в каждой стране оно не сможет справиться с "ужасными экономическими проблемами" и успокоить возбужденные, политически и этнически мобилизованные массы, то "рискует повторением того же кризиса, который привел к падению коммунизма" — таков вывод С.Бланка.[18] С ним и подобными ему выводами западных исследователей нельзя не согласиться.

В свете таких заключений формационные устои социализма, как кажется, выдержали "революционные" потрясения последних лет и продолжают олицетворять объективную реальность, без учета которой немислимо никакое социальное

предвидение. В то же время альтернативные социализму "общества" предстают искусственными творениями, которые причудливо сочетают в себе отражение ряда неприглядных, в том числе откровенно оруэлловских черт нашей "рыночной" действительности с ' разного рода благими пожеланиями и иллюзиями.

При всей неопределенности понятий о "будущем обществе", возникновение которого призвано увенчать собой "рыночную реформу", в них все же просматривается выбор капиталистической перспективы. Следовательно, возникает вопрос о возможностях поступательного развития общества на этом пути. **Научный ответ на него связан с выяснением специфичности современного капитализма. В данном случае** особое значение приобретает отмеченный еще в конце XIX века процесс постепенного преодоления капитализмом национальных пределов, его превращения в мировую систему со складывающимся внутренним делением на "базу" (высокоразвитые страны), "полупериферию" (страны среднего уровня развития) и "периферию" (зависимые страны и фактические колонии). Ныне правомерно говорить о завершенности данного процесса и о наличии внутри капиталистической системы довольно жесткой иерархической структуры, где места строго распределены и мобильность снизу вверх практически отсутствует. Шанс прогресса для стран Центральной и Восточной Европы с их экономическим, научно-техническим, технологическим и духовным потенциалом, накопленным за годы социализма, в случае их "вхождения" в мировую капиталистическую систему, открывает только место на ее "базе". Реальна ли возможность его получения?

Обсуждая вопрос о будущем центрально- и восточноевропейских государств, западные ученые сходятся во мнении, что Запад из-за состояния перманентного кризиса крайне не заинтересован в появлении сильных конкурентов. Выражающий данную позицию сотрудник Международного университета Японии К.Стоукс, со ссылками на "аналитиков глобального контекста", прямо утверждает, что "международная экономическая система больше не в состоянии поддержать появление большой и успешной капиталистической страны". Это, несомненно, относится также к России, Украине, Республике Беларусь, другим бывшим советским республикам. Не обещает им сколько-нибудь значительных выгод и участие в интеграционных связях с существующими группировками западных стран, в том числе в Европе, куда, несмотря на всевозможные барьеры, устремляются "молодые демократии". К.Стоукс пишет по этому поводу: "прогрессивная унификация рынков капитала и товаров содержит мало шансов выравнивания экономических условий, в которых живет население Восточной Европы". [20] Скептические высказывания — отнюдь не плод фантазии. Они объективно отражают положение в западном мире с его суровыми закономерностями, конкурентной борьбой подавлением слабых и отставших в бешеной гонке за лидерство.

В изданной в США в 1993 году работе "Россия в 2010-м году и что это означает для мира" ее авторы Д.Ергин и Т.Густафсон предлагают четыре сценария предполагаемого развития страны, причем каждый из этих сценариев так или иначе привязывает ее к капитализму, преимущественно в его ранних проявлениях и формах, которые для Запада уже остались позади. Любопытно, что обеспечение прав собственности, стабильный экономический рост, преодоление инфляции, успешная борьба с преступностью, а также доступ к мировым рынкам для изделий российской промышленности считаются элементами четвертого сценария — сценария "чуда".

Прозападные устремления "демократических революций" резко контрастируют с содержанием Великой Октябрьской социалистической революции. Последняя, как подчеркивает К.Стоукс, была "революцией полупериферийной страны", где "начался

упадок к периферийному статусу" вследствие засилья иностранного капитала в промышленности и вытеснения им отечественного, противодействия механизации сельского хозяйства, снижения военного потенциала и т.д.[21] Неблагоприятные тенденции были переломлены, благодаря частичному выходу СССР из мировой экономики и мобилизации значительной народной поддержки внутри страны. В итоге к концу второй мировой войны "страна вновь утвердилась в качестве очень сильного члена полупериферии и могла добиваться полного базового статуса".[22] Безоглядное устремление "на Запад", приняв стихийный характер, может повлечь за собой возрождение прежних опасностей.

Чтобы этого не случилось, вхождение в мировую экономику и в различные политические надстройки над ней должно регулироваться государством в национальных, общенародных интересах, с предоставлением обществу полной и достоверной информации о происходящих процессах и свободой ее научного анализа. Несоблюдение этих условий может обернуться, помимо неудачи "рыночной реформации", превращением всей нынешней программы перемен в стратегию крупного исторического проигрыша для нас с непредсказуемыми последствиями для мирового сообщества.

Решающую роль в становлении будущего, которое сегодня олицетворяется "рыночными реформами" вместе с социально-системными и цивилизационными изменениями, все же призваны сыграть массы населения. Пока они в большой степени пассивны и довольствуются позицией наблюдателей. На их долю приходится в основном плоды "рыночной реформации", причем главным образом негативные. Здесь и причина нестабильности общества. Данное обстоятельство как-то упускалось из виду в первые месяцы "рыночной эйфории". Теперь же оно дает повод для многих неутешительных выводов относительно будущего. Неудивительно, что теория также вынуждена поворачиваться "лицом к массам". "Включение населения в политический процесс" получает научное признание не только в качестве безусловной необходимости, но и критерия "модернизации" общества, наряду с образованием централизованного государства, установлением политической демократии, формированием осознанных интересов различных политических групп.[23]

Участие общества в проведении любых серьезных реформ необходимо и неизбежно. Будущее, в конечном итоге, создается народом, представляя собой результат мысли, учреждений и повседневного труда ряда поколений людей, вдохновляемых высокой общественной целью и традиционными народными идеалами добра, свободы, справедливости. К пониманию данного начала волей-неволей приходят также на Западе, где все чаще раздаются голоса о том, что участь "реформ" решится в ходе политической активности народных масс. А это, в свою очередь, требует должного внимания к их интересам. Высказывается, например, Дж.Феффером убеждение в том, что от пессимизма в связи с будущим Центральной и Восточной Европы может удержать только надежда на то, что утраченные ценности, как, например, участие народа в принятии важных решений, рабочее самоуправление и нравственная политика "вернутся, а восхищение гиперкапитализмом ослабнет". [24] Конечно, любой поворот в таком направлении содействовал бы стабильности общества и предсказуемости изменений в нем.

Принятие народом роли главного субъекта качественного преобразования общественной жизни и выбора ее будущих форм вывело бы реформы из "рыночного" тупика и одновременно придало бы им новый импульс.

Будут ли ум и энергия народа использованы в нужном направлении или же по прошлым примерам станут жертвой ложных концепций, покажет ближайшее будущее. Однако сам факт назревающего возвращения народных масс к активному политическому творчеству

весьма значителен: он ставит в повестку дня перспективу дальнейшего развития общества по социалистическому пути, который имеет глубокие корни в народном сознании. Масса народа безошибочно улавливает и потребности своего общества, и ритмы мировой истории. В понимании этого, пожалуй, весь смысл рационального восприятия общечеловеческих реальностей в преддверии нового века.

Мир, несомненно, придет к социализму, ибо социалистическая тенденция, как это давно замечено на Западе, органически присутствует в крупнейших общественных переменных и постоянно набирает силу. Вовсе не исключено, что социалистической явится миру и западная система. Но мир изменится в социалистическом духе. Произойдет ли это эволюционным путем, тогда "новый социализм" предстанет формой сохранения и утверждения Западом своих нынешних привилегий, или же в результате серии революционных потрясений и разломов формирующегося под западным присмотром "глобального общества", то есть в соответствии с предвидением В.И.Ленина, покажет XXI век. Для нас же, невольных участников нынешней "рыночной реформации", главный вопрос заключается по-прежнему в том, сможем ли мы активно и целеустремленно содействовать становлению справедливого общества с учетом собственных уроков и общечеловеческих интересов или же и далее будем тратить время на бесполезные импровизированные "реформы", чтобы затем надолго оказаться в губительном для нас состоянии самоизоляции от основного течения современной общественной жизни, ее возможностей и потребностей?